

Репрезентанты концепта ПАМЯТЬ в свете новых задач стилистики

ОЛЬГА В. ЕВТУШЕНКО*

<https://doi.org/10.25167/Stylistyka28.2019.2>

Стиль, как следует из дефиниции К. А. Долинина, формируется „в результате выбора субъектом определенного способа деятельности в рамках общепринятых норм” (Долинин 1987: 13). Этот тезис заставляет задуматься о перспективах междисциплинарного подхода к проблемам стилистики. Действительно, выбор субъектом языковых средств для воплощения своих коммуникативных интенций в значительной мере определяется типом мышления (Лукач 1985–1987; Deleuze, Guattari 1991) и индивидуальным стилем мышления (Холодная 2012), что заставляет филолога принимать во внимание достижения психологии и ряд идей современной философии. Учет при порождении речи общепринятых норм или осознанный отход от них зависит как от индивидуальных психологических особенностей человека, так и от социального и темпорального контекста: от веяний эпохи, от накопленных к этому моменту данным национальным коллективом знаний и умений, от идей, разделяемых референтной группой, т.е. людьми, чье мнение важно для данной личности, от условий, в которых формировался индивидуальный опыт – словом, от целого ряда факторов, заставляющих исследователя выйти за пределы текста в область дискуртологии.

Гуманитарные науки, в частности те направления психологии, которые изучают мышление и речь, тоже заинтересованы в развитии стилисти-

* <https://orcid.org/0000-0002-5090-4329>, Московский государственный лингвистический университет, ovae@list.ru

ки как интегративной дисциплины. Дело в том, что языковое сознание „не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих”, но оно может быть исследовано „как продукт бывшей деятельности [...] в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах” (Уфимцева 2017: 33). Ценную информацию о работе мышления дает анализ речевой креативности (Евтушенко, Ба 2016). Тем более важен для этих целей такой сложный продукт, как текст, стиль которого несет на себе отпечаток работы индивидуального сознания.

Понятия *стиля* и *дискурса* при обрисованном подходе будут различаться по нескольким аспектам, главные из которых статика / динамика, маркированность / немаркированность эстетической оценки. Стиль – это результат работы творческого (т.е. художественного, научного, философского, как его понимают Ж. Делез и Ф. Гваттари) мышления, воплотившейся в выборе языковых единиц из числа имеющихся в языковой памяти индивида, в создании новых единиц и в их соединении в „хорошо структурированное” целое. Эстетическая оценка конечного продукта выносится по шкале от *изящный стиль* до *стиль хромает* (слово *дискурс* не вступает в подобные сочетания). Одной из задач стилистики было и остается выявление „эстетикогенных” свойств отдельных языковых средств и их соединений. При междисциплинарном подходе открываются дополнительные возможности выявления критериев эстетического оценивания индивидуальных стилей. Это позволит более точно ответить на вопрос, чем писатель второго ряда отличается от писателя первого ряда, если языковая техника во всей полноте известна обоим. Знание такого рода деталей важно для саморазвития литературных талантов.

* * *

Рассуждая о стиле, мы затронули тему памяти. Память является резервуаром, из которого субъект черпает идеи, образы, языковые средства. Последние могут ассоциироваться с определенной эпохой (архаизмы, историзмы, неологизмы), с личной или социальной историей (например, некоторые имена собственные), с памятью народа (некоторые фразеологизмы) или целой цивилизации (межкультурные интертекстуальные вкрапления). Подбор такого рода единиц, в том числе и тенденциозный, может определяться идеологией, творческим методом, жанром, а распределение

их в тексте с ориентацией на понятие меры воплощает индивидуальный, национальный стиль или стиль эпохи.

Человек творчески осваивает содержимое не только вербальной памяти. В процессе познания себя и мира он обращается к зрительной, пространственной, эпизодической, ассоциативной, автобиографической, исторической памяти. Примечательно, что некоторые из этих видов выделяются не только с помощью научных методов, но и с помощью языка. Так, результаты работы эпизодической памяти, т.е. актуализации событий, воплощаются в конструкции *помнить, что* или *как*, в отличие от продуктов зрительно-пространственной памяти, которые маркируются сочетанием *помнить что, кого*. Кроме того, язык различает опытную и информационную память (Зализняк 2008: 220). Первый тип оформляется конструкцией *помнить, как*. Он хранит информацию, полученную при личном участии субъекта, и потому объемную, образную, нередко эмоционально окрашенную. Второй тип воплощается конструкцией *помнить, что*, несет информацию, полученную субъектом от других и принятую им на веру. Это скорее знание, чем воспоминание. Такого рода самоотчет может служить ценным материалом для психологов. В то же время распределение обсуждаемых в этом абзаце конструкций по текстам показательно и со стилистической точки зрения.

Кроме того, в процессе самопознания человек наблюдает за работой собственной памяти. Это делает тексты мемуаров и художественных воспоминаний интересными и для психологов, и для стилистов. Однако если для психологии функции памяти – традиционный объект изучения, то стилистике только предстоит понять, какие горизонты знания могут раскрыться на этом пути. Мы решили двигаться не от разработки проблемных вопросов к эмпирическому материалу, а в обратном направлении – от эмпирических наблюдений к осознанию их теоретических перспектив.

* * *

Для начала мы сравнили сопоставимые по объему художественные тексты, созданные на основе личных воспоминаний – *Детские годы Багрова внука*, служащие продолжением *Семейной хроники* С. Т. Аксакова (Аксаков 1966), *Жизнь Арсеньева* И. А. Бунина (Бунин 1988) и *Будьте как дети*

В. А. Шарова (Шаров 2017). Произведения отделяет друг от друга примерно одинаковый временной промежуток, при этом первое относится к классическому периоду русской литературы, второе – к завершению Серебряного века, третье – к современному этапу литературного процесса. Не последнюю роль в выборе авторов сыграла общественная оценка их стиля: если первые два произведения неизменно характеризуются критиками как стилистически безупречные, то стиль В. А. Шарова называют сухим, шероховатым, и нам важно понять, какие языковые, структурные и информационные составляющие текста влияют на вынесение оценки.

В совокупности трех текстов ядро номинативного поля концепта ПАМЯТЬ представлено полным набором имеющихся в русском языке единиц, что обусловлено жанром воспоминаний. Приведем весь состав репрезентантов ПАМЯТИ (первая цифра указывает число соответствующих словоупотреблений в тексте С. Т. Аксакова, вторая – И. А. Бунина, третья – В. А. Шарова):

– ядро номинативного поля концепта ПАМЯТЬ:

(не) помнить 59 / 54 / 65, помниться 0 / 1 / 0, вспомнить 13 / 14 / 27, вспомниться 0 / 1 / 0, вспоминать 10 (все без отрицаний) / 24 (все без отрицаний) / 21 (из них 4 с отрицанием), вспоминаться 0 / 6 / 0, помянуть 0 / 0 / 5, поминать 7 / 1 / 12, припомнить 2 / 0 / 2, припоминать 3 / 0 / 1, запомнить 0 / 0 / 7, запоминать 0 / 3 (из них 2 с отрицанием) / 1, запомниться 0 / 5 / 1, напомнить 9 / 0 / 6, напоминать 3 / 9 / 16, упомянуть 0 / 1 / 3, упоминать 2 / 0 / 3, опомниться 10 / 1 / 2, опаматоваться 0 / 0 / 2, забыть 33 (из них 10 с отрицанием) / 20 (из них 1 с отрицанием) / 32 (из них 10 с отрицанием), забывать 8 (из них 1 с отрицанием) / 3 (все без отрицаний) / 14 (из них 6 с отрицанием), память 22 / 9 / 15, беспамятство 0 / 1 / 4, воспоминание 17 / 13 / 13, упоминание 0 / 0 / 1, памятник 0 / 3 / 3, помин (в форме в помине) 0 / 1 / 1, забывчивость 0 / 0 / 1, памятный 6 / 5 / 1, незапамятный 0 / незапамятно-древний 1 / 1, поминальный 0 / 1 / 2; по памяти 0 / 0 / 2, по старой памяти 0 / 0 / 2, на (моей) памяти 0 / 0 / 1;

– ближняя периферия:

забыться 4 / 2 / 1, забываться 0 / 2 / 2, забытье 2 / 1 / 4, полузабытье 0 / 0 / 1, хранить 1 / 1 / 3, восстановить (события) 0 / 0 / 2, думать забыла 0 / 0 / 1;

– дальняя периферия:

история 9 / 7 / 62, *рассказ* 63 / 12 / 17, *миф* 0 / 0 / 2, *легенда* 0 / 3 / 4, *предание* 0 / 3 / 19, *хроника* 4 / 0 / 0.

Цифры показывают, что по мере развития литературы растет разнообразие языковых единиц, воплощающих знания о памяти: С. Т. Аксаков использует 15 ядерных лексических единиц, И. А. Бунин – 22, В. А. Шаров – 28 лексических и 3 фразеологические единицы.

Проявившиеся при статистическом анализе различия свидетельствуют о следующем. С. Т. Аксаков особое внимание уделял смене душевных состояний, что выражается в высоком индексе слова *опомниться* (*Несколько раз готов я был броситься к ней на шею и просить, чтоб она не ездила или взяла нас с собою; но больное ее лицо заставляло меня опомниться, и желание, чтоб она ехала лечиться, всегда побеждало мою тоску и страх* – Аксаков 1966: 319). Кроме того, он последовательно концептуализировал память с помощью метафоры-контейнера (например, *Я сам не знаю, можно ли вполне верить всему тому, что сохранила моя память?* – Аксаков 1966: 261).

Концептуализация памяти И. А. Буниным уже сложнее: она осмысливается и как контейнер (2 употребления), и как творимый объект (*создать память всем от века умершим* – 4), и как деятель (*действия памяти, прельщения памяти* – 2). Личный опыт И. А. Бунина (тоска по навсегда оставленной родине) воплощается через большое количество возвратных глаголов: *помнится, вспомниться, вспоминаться* (их нет в текстах двух других авторов), *запомниться* (5 употреблений в сравнении с 1 у С. Т. Аксакова). Все эти словарные единицы воплощают неподконтрольную субъекту работу памяти. Не случайно они отсутствуют у историка по образованию В. А. Шарова. В его романе воспоминания повествователя и персонажей важны как художественное воплощение постмодернистской идеи, выраженной Ж.-Ф. Лиотаром: „Познание можно трактовать как совокупность высказываний”, которые порождаются различными субъектами в силу их компетенций (Лиотар 2013: 51). В. А. Шаров усматривает тот же принцип в формировании исторических концепций. Его повествователь предстает слушателем и интервьюером, собирателем исторических свидетельств, отсюда и осознанность всех воспоминаний.

Анализ репрезентантов концепта ПАМЯТЬ в тексте В. А. Шарова выявил расширение интенционального опыта по отношению к коллективной памяти. Если в классической литературе воспоминания нацелены на то, чтобы сохранить свидетельства прошлого, то современная литература обнаруживает готовность индивида и целого народа не только избирательно вспоминать, но и столь же избирательно забывать. Не случайно в романе В. А. Шарова глагол *вспоминать* представлен в том числе в контексте отрицания (*не вспоминать*), чего не было у И. А. Бунина и С. Т. Аксакова. Удержание в памяти событий и фактов представлено глаголом *не забывать* (единичен у С. Т. Аксакова и отсутствует у И. А. Бунина). Наши выводы подтверждаются и фрагментами текста В. А. Шарова: *Конечно, церковь знала много гонений, целые эпохи преследований и казней [...] а он как будто о них не помнил* (Шаров 2017: 292).

Повышение значимости забвения проявилось в более детальном, чем у предшественников, языковом освоении *беспамятства*: к лексеме *забыть*, встречающейся в романе „Будьте как дети” чаще, чем в двух других произведениях, добавилась лексема *полузабыть*, у С. Т. Аксакова и И. А. Бунина отсутствующая.

Интерпретация других отличий номинативного поля ПАМЯТИ в романе В. А. Шарова требует сведений о биографическом и культурно-историческом контексте, в котором он создавался. Прежде всего, необходимо учесть, что концептуальная основа романа сложилась под влиянием переосмысления опыта работы В. А. Шарова над кандидатской диссертацией „Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII вв. в трудах С. Ф. Платонова”. Взгляд С. Ф. Платонова на события Смутного времени сложился под влиянием изучения историко-литературных памятников той поры. Разрозненные свидетельства очевидцев и последующих поколений рассказчиков, по-своему изложивших услышанные от очевидцев истории, ум ученого обобщил до социально-политической концепции. Замыслив роман о том, как создаются и воплощаются в жизнь самые абсурдные политические концепции, В. А. Шаров обрек себя на необходимость воспроизвести сложную структуру повествователей – субъектов первого, второго, третьего плана, являющихся носителями исторической памяти. Показательно, что значимость свидетеля маркируется языковыми средствами: 1) на основного повествователя, отождествляемого с автором, указывает перволичная форма

изложения (*Помню, что*), 2) на персонажах первого плана – носителей исторической, социальной и семейной памяти (Дуся, Перегудов, Ленин) указывает третьеличная форма (*Она помнила, как*), 3) второстепенные персонажи, чьи воспоминания помогают воплотить в жизнь философские мечтания Н. Ф. Федорова об оживлении умерших близких, упоминаются в придаточных предикативных частях, в обособленных оборотах или во вставных конструкциях (*насколько он, Алеша, помнит* – Шаров 2017: 371), 4) на носителей коллективной памяти указывают безличные предложения, а также отдельные репрезентанты концепта ПАМЯТЬ: *предание, рассказы, каноническая версия, хвалебные песни (Все, что было необходимо помнить [...] записано и уже не пропадет* – Шаров 2017: 99), 5) на фоновых хранителей памяти, актуализирующих информацию, которая повествователю представляется несущественной, но важна для определенной части общества указывают неопределенно-личные предложения (*мне раз двадцать напомнили* – Шаров 2017: 125). Наконец, роман содержит указание еще на одного носителя памяти – реального человека В. А. Шарова – это посвящение в начале текста (*Памяти отца*).

Перенос воспоминаний из личной сферы, как у С. Т. Аксакова и И. А. Бунина, и замена перволичного повествования текстовой полифонией (Бахтин 2002) был подготовлен культурно-исторически. Общегуманистический вектор самопознания в XX в. сменился вниманием к социальным процессам. К этому нужно добавить, что В. А. Шаров относится к поколению тех писателей, на кого повлияли идеи М. М. Бахтина о диалогическом характере бытия (Бахтин 2002), Г.-Г. Гадамера о превращении понимания в модус бытия (Гадамер 1988), что подтверждается пятикратным сближением в романе паронимов *помнить* и *понимать*, а также Ж. Деррида (Derrida 1990), вдохнувшего желание „членить шум времени” (Шаров 2015: 81).

В. А. Шаров иначе, нежели С. Т. Аксаков, оценивает правдивость исторических источников. Если С. Т. Аксаков подчеркивает объективность своих воспоминаний, называя их *хрониками* и ни разу не упоминая *мифов, преданий* и *легенд*, то В. А. Шаров спокойно рассуждает о научном методе верификации мифа. Здесь стоит упомянуть о традиции использования в художественной литературе формулы „Я помню...” в качестве модального оператора, демонстрирующего стремление автора держаться ближе к реальности (впервые, по данным Национального кор-

пуса русского языка (ruscorpora.ru), ее использовал В. К. Третьяков в поэме „Феоптия” 1750–54 гг.). Этому оператору противопоставлен другой – „Мне снилось...”, указывающий на заведомо ирреальное ментальное пространство – аллегория или символ (в русской поэзии она впервые встречается у И. И. Дмитриева в 1787–89 гг.). Для В. А. Шарова эта оппозиция утратила значение, поскольку профессиональный опыт сопоставления свидетельств убедил его в ненадежности памяти. Он знает и об избирательности памяти (*То, что я вспомнил*), и о зависимости ее эффективности от внешних и внутренних факторов (от *хорошо помню до помнит, но не ясно*). Наконец, хранителями исторической памяти могут оказаться люди с умственными проблемами, и эту идею воплощает в романе не один персонаж.

Работа В. А. Шарова с историческими документами сказалась и на выборе стилистически окрашенных лексических единиц, репрезентирующих в романе концепт ПАМЯТЬ. Здесь представлены архаизмы *опамывать* (отсутствует у С. Т. Аксакова и И. А. Бунина; уже в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, вышедшем в 1935–40 гг., слово было помечено как устаревшее), *незапамятный* (И. А. Бунин включает его производящую основу в плеонастический неологизм *незапамятно-древний*), *поминать* (в значении „упоминать”).

Приведенные факты позволяют утверждать, что субъект речи не обладает полной свободой при выборе языковых средств, от которого зависит формируемый стиль. Он ориентируется не только на представление своего поколения о норме, но и на имеющую ценность в его глазах философскую концепцию или концепции, на свой профессиональный и бытовой опыт, на признаваемые целиком или частично жанровые требования текста. Это согласуется с утверждением К. А. Долинина о том, что „информация, которую несет стиль в широком смысле слова, – это *информация о самом коммуникативном акте*, в результате которого сообщение родилось на свет” (Долинин 1987: 37).

Некоторые ограничения трудно понять без специального глубокого исследования. Так, нами была замечена избирательность в употреблении лексем *припомнить*, *припоминать*. С. Т. Аксаков использует их только для указания на слухоречевую память, т.е. память о сказанном (единственное исключение относится к внешним обстоятельствам поездки, и оно доказывает не семантический характер ограничений). У И. А. Бунина эти

слова вообще отсутствуют. В. А. Шаров употребляет их только в 3-м лице для указания на обследование персонажем своей памяти в ответ на запрос информации или действенной реакции. Все это можно вслед за К. А. Долининым называть „стилем содержания” (Долинин 1987: 30).

* * *

Рассмотрение вопросов стилистики не может отрываться от оценки стиля, как уже говорилось выше. Это заставляет нас искать в трех текстах различия, способные влиять на их эстетическое восприятие.

Если отталкиваться от знаний того, из чего складывается стилистическое значение, то следует начать со степени образности воспоминаний. Мы сравнили количество указаний в текстах на опытную и информационную память (*помнить, как* и *помнить, что*). У С. Т. Аксакова таких конструкций 7 и 15 соответственно, у И. А. Бунина разрыв оказался минимальным – 8 и 9, у В. А. Шарова – 11 и 15. Однако в процентном соотношении к общему количеству слов В. А. Шаров превзошел авторов-классиков по числу упоминаний опытной памяти (0,007, 0,009 и 0,01 соответственно). Так что этот аспект не мог заметно повлиять на оценку стиля критиками. К тому же количество упоминаний опытной памяти в каждом из текстов так мало, что не может отразиться на восприятии образной системы целого произведения. В то же время соотношение опытной и информационной памяти может характеризовать индивидуально-авторский стиль. Приведенные цифры показывают, что И. А. Бунин меньше, чем другие, доверял информационной памяти. При расширении круга его произведений и состава исследуемых авторов гипотеза об индивидуальной приверженности содержанию опытной памяти подтверждается.

Вторым аспектом оценивания может служить гармоничность частей в составе целого. Текст В. А. Шарова „фрагментирован” в заметно большей мере, чем тексты авторов-классиков, что объясняется влиянием идей постмодернизма. Прежде всего, роман „Будьте как дети” имеет многослойную информационную структуру из-за сложной системы рассказчиков, что не может не отражаться на целостности восприятия текста. Наблюдения историков показали, что увеличение числа информационных каналов препятствует консолидации общей исторической памяти. И. В. Положенцева и Т. Л. Кашенко считают, в частности, что „существование единой

коллективной исторической памяти на основе альтернативных источников вообще проблематично” (Положенцева, Кашенко 2014: 45). Видимо зная это, В. А. Шаров делает голос Я-субъекта ведущим: в тексте преобладает несобственно-авторская речь с включением точки зрения персонажей и лишь изредка она уступает место несобственно-прямой речи, так что голос персонажа начинает звучать наравне с авторским, однако целостность языкового оформления, как становится понятно, не может уравнивать разнотипности фактуальной и концептуальной информации.

Восприятие текста В. А. Шарова осложняется еще и фрагментированностью хронотопа. Нить повествования поочередно переходит к представителям разорванных временем поколений, эпох, формаций (*Двадцать пятого января 1970 года; Ленин был огорчен, долго допытывался, помнят ли хоть старики прошлые времена* – Шаров 2017: 9, 188), к этому добавляются хранящиеся в их памяти местные сказания и фрагменты Священной истории (*Ты скажешь, что они были язычники и вера их несправедная, что все, что делал шаман Ионах, – пыль, тлен; но вспомни: не только посох Моисея, но и посохи жрецов фараона превращались в змей* – Шаров 2017: 94–95). Основной повествователь активно пользуется свободой перемещения из настоящего в любую точку прошлого и обратно (*Я и теперь помню – я на третий день вспомнил*). Частота и направленность таких скачков ничем не ограничены, поскольку зависят от случайных встреч персонажей и обмена воспоминаниями между собой или с повествователем, а также от ассоциаций, вызывающих воспоминания у повествователя или персонажей (*Переходя с темы на тему, я мог сказать о круге – символе солнца и шаманской души, а Никодим опять, как бы вбок, – вспомнить об июньском солнце Якутии* – Шаров 2017: 309).

Темпоральная структура текста осложняется разнообразием аспектуальных значений, в которых выступают глаголы, относящиеся к номинативному полю концепта ПАМЯТЬ. Воспоминания могут храниться (*то, что он им тогда сказал, они запомнили очень хорошо* (Шаров 2017: 76) – перфектное значение, начинательный способ глагольного действия), могут восстанавливаться по разным документам (*восстановить события* – повторительный способ действия), могут регулярно оживать при напоминании (*всякий раз [...] не забывал напомнить* (Шаров 2017: 103) – узуальное значение), могут всплывать неожиданно (*ничего не помнил, пока одна история нежданно-негаданно сюда вдруг не выринула* (Шаров

2017: 117) – переход из одного состояния в другое обозначается сменой несовершенного вида совершенным). Эстетическая гармонизация всех временных проекций памяти могла бы быть осуществлена по принципу контрапункта, однако для этого автор должен обладать специальными знаниями или чувством ритма.

Временные скачки накладываются на скачки пространственные: Франция, Москва, Якутия, Горки, Турция, Томск, Египет. В конце романа происходит отождествление Святой земли и Китежа, основанием для чего становится буквальное прочтение устойчивого сочетания: Китеж – *святой град*, Светлояр – *Святое озеро*, местность вокруг – *святая земля*. Это отождествление поддерживается повышением плотности аллюзий к священной истории: *говорить о казни египетской – передержка*; *героиня застыла, будто соляной столб* (Шаров 2017: 441, 447). Так автор воплощает мысль, что всё в истории повторяется, независимо от места и этноса: модели остаются одними и теми же при вариативном наполнении (Игрунова 2004: 192). Однако подобная когнитивная схематизация, появившись на нескольких последних страницах романа, оказывается не способной рекурсивно организовать весь континуум текста.

Можно заключить, что стилистическая оценка текста не определяется одним только подсознательным ощущением системности его языкового оформления, как полагал У. Хендрикс (Хендрикс 1980: 178). На восприятие стиля как хорошего или плохого влияет также целостность семантической структуры текста, выверенность ее пропорций.

Третий аспект, по которому может оцениваться стиль, – следование норме (в широком понимании) или выход за ее рамки. Норма может определяться и как соответствие выработанной культурой традиции, и как соблюдение меры. Изучение того, насколько выбранные нами авторы придерживаются нормы в первом понимании, выявило различия писателей-классиков с В. А. Шаровым по маркерам воплощенного в текстах типа мышления. Художественному (или эстетическому, по Д. Лукачу) мышлению свойственно превращать мысли в „цепочки эмоций” (Лукач 1986, 3: 147) в противоположность „дезантропоморфному” научному мышлению, а также обобщать до типического, актуализировать одновременно представление и понятие в противоположность бытовому мышлению, привязанному к конкретной ситуации. Отличие художественного мышления от бытового на языковом уровне проявляется в предпочтении,

отдаваемом именам перед глаголами. Уже по одному этому показателю текст В. А. Шарова отличается от текстов С. Т. Аксакова и И. А. Бунина. В тех случаях, когда В. А. Шаров использует глагол *помянуть*, И. А. Бунин выбирает имя существительное *память*: *В Духов день призывает церковь за литургией „сотворить память всем от века умершим”* (Бунин 1988: 265) и *Потом, поставив водку на соседнюю лавочку, наскоро его помянули* (Шаров 2017: 326). Эти примеры демонстрируют разную степень обобщения / привязанности к ситуации. Те же различия объясняют и высокий индекс слова *рассказ* у С. Т. Аксакова – В. А. Шаров предпочитает глагол *рассказать*: *...Мать не любит рассказов о полевых крестьянских работах* (Аксаков 1966: 492) и *Серезжа не только рассказывал о Севере, он еще по несколько раз за сезон присылал мне оттуда посылки* (Шаров 2017: 44–45).

Работая над романом, В. А. Шаров не преодолел сформированного у него образованием научного мышления, которому свойственна нацеленность на превращение „бесконечности окружающей действительности в ограниченное отображение, которое тем не менее способно передать ее интенсивную бесконечность” (Лукач 1985, 1: 221). Это проявилось в попытке образного воплощения идеи повторения исторической модели в разные времена у разных этносов. Гетерогенность мышления В. А. Шарова, выразившаяся в интерференции художественного, научного и бытового типов, по-видимому, превысила интуитивно ощущаемую читателем меру, что и выразилось в оценке его стиля как сухого.

Следование норме может также приводить к отказу от слов, воспринимаемых как оставшихся вне культурного процесса, – в XIX в. их называли „простонародными”. Не случайно ни С. Т. Аксаков, ни И. А. Бунин, в отличие от В. А. Шарова, не используют лексику *опаматоваться*. Нет ее и в других произведениях И. А. Бунина, С. Т. Аксаков же употребляет это слово только раз – в сказке „Аленький цветочек”, что оправдано жанром. В наше время представления о мере при языковом выражении художественной правды сняты и автор руководствуется лишь правовыми нормами.

* * *

Современная стилистика оказалась перед выбором направления дальнейшего развития. Сняв ограничительное требование имманентного анализа текста, признав наряду со „стилем выражения” „стиль содержания”,

согласившись с тем, что стиль в значительной мере определяется коммуникативным контекстом, она остановилась перед чертой междисциплинарного синтеза. Как верно утверждает С. Гайда, „определение задач стилистики требует [...] чтобы принимался во внимание как широкий общекультурный контекст, так и контекст общенаучный и общелингвистический” (Гайда 2015: 12).

Мы постарались доказать перспективность для решения проблем стилистики такого философско-эстетического понятия, как тип мышления, доработанного когнитивной лингвистикой. Накопленные психологией знания о работе памяти помогли нам осмыслить избирательность субъектов речи в выборе лексических и грамматических средств при обследовании собственной памяти. Особые горизонты открывает диахроническое изучение такой избирательности: можно наблюдать развитие или стагнацию художественного, научного, философского мышления в разные периоды истории, предпочтения, отдаваемые синтезу (например, быстрое накопление метафор) или анализу (познание мира через оппозиции) на определенных этапах развития ментальности нации. Для решения подобных задач стилистика должна опираться на достижения когнитивной лингвистики, но при этом она не будет поглощена когнитологией, которая не владеет инструментарием оценки состояния литературного языка и эстетических предпочтений, отдаваемых тем или иным стилистическим средствам и приемам в определенные исторические периоды. Достижения интегративной стилистики помогут также по-новому взглянуть на проблему соотношения национального менталитета и национального стиля в синхронной и диахронной проекции.

Впрочем, намечая новые задачи, стилистика не должна забывать и о своей исторической связи с эстетикой. В условиях усложнения результатов философского и художественного отражения мира стилистика должна искать и рекомендовать способы внесения простоты, меры, ритма, гармонии в продукты творческого сознания.

Литература

- Аксаков С. Т., 1966, *Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением „Семейной хроники”*. – *Собрание сочинений: В 5 тт.*, т. 1, Москва, с. 261–575.
- Бахтин М. М., 2002, *Собрание сочинений: В 7 тт.*, т. 6, Калуга.

- Бунин И. А., 1988, *Жизнь Арсеньева*. – *Собрание сочинений: В 4 тт.*, т. 3, Москва, с. 265–537.
- Гадамер Г.-Г., 1988, *Истина и метод: Основы философской герменевтики*, Москва.
- Гайда С., 2015, *Актуальные задачи стилистики*, „Актуальные проблемы стилистики”, № 1, с. 12–21.
- Долинин К. А., 1987, *Стилистика французского языка*, Москва.
- Евтушенко О. В., Ба Ю., 2016, *Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества*. – *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, вып. 17 (756), Москва, с. 26–38.
- Зализняк А. А., 2008, *Концептуализация ПАМЯТИ и ЗАБВЕНИЯ в русском языке*. – *Когнитивные исследования*, вып. 2, ред. В. Д. Соловьев, Т. В. Черниговская, Москва, с. 209–230.
- Игрунова Н. В., 2004, *Шаров: „Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком”*, „Дружба народов”, № 8, с. 191–198.
- Лиотар Ж.-Ф., 2013, *Состояние постмодерна*, Санкт-Петербург.
- Лукач Д., 1985–1987, *Своеобразие эстетического: В 4-х тт.*, т. 1 и 3, Москва.
- Национальный корпус русского языка, URL: <http://ruscorpora.ru>.
- Положенцева И. В., Кашенко Т. Л., 2014, *Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов*, „Власть”, № 12, с. 42–46.
- Толковый словарь русского языка: В 4-х тт.*, 2000, ред. Д. Н. Ушаков, т. 2, Москва.
- Уфимцева Н. В., 2017, *Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности*. – *(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем*, ред. В. В. Красных, Москва, с. 21–96.
- Хендрикс У., 1980, *Стиль и лингвистика текста*. – *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. IX, Москва, с. 172–211.
- Холодная М. А., 2012, *Особенности организации концептуальных структур*. – *Когнитивные исследования: сборник научных трудов*, вып. 5, ред. А. А. Кибрик, Т. В. Черниговская, А. В. Дубасова, Москва, с. 177–193.
- Шаров В. А., 2017, *Будьте как дети*, Москва.
- Шаров В. А., 2015, *Моя компания*, „Знамя”, № 4, с. 81–82.
- Deleuze G., Guattari F., 1991, *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris.
- Derrida J., 1990, *L'écriture et la différence*. Paris.

References

- Aksakov S. T., 1966, *Detskiye gody Bagrova-vnuka, sluzhashchiye prodolzheniyem „Semeynoy khroniki”*. – *Sobraniye sochineniy*: V 5 tt., t. 1, Moskva, s. 261–575.
- Bakhtin M. M., 2002, *Sobraniye sochineniy*: V 7 tt., t. 6, Kaluga.
- Bunin I. A., 1988, *Zhizn' Arsen'yeva*. – *Sobraniye sochineniy*: V 4 tt., t. 3, Moskva, s. 265–537.
- Gadamer G.-G., 1988, *Istina i metod: Osnovy filosofskoy hermenevtiki*, Moskva.
- Gayda S., 2015, *Aktual'nyye zadachi stilistiki*, „Aktual'nyye problemy stilistiki”, № 1, s. 12–21.
- Dolinin K. A., 1987, *Stilistika frantsuzskogo yazyka*, Moskva.
- Yevtushenko O. V., Ba Yu., 2016, *Tipologiya rechemyslitel'nykh operatsiy, lezhashchikh osnove slovotvorchestva*. – *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvistikheskogo universiteta*, vyp. 17 (756), Moskva, s. 26–38.
- Zaliznyak A. A., 2008, *Kontseptualizatsiya PAMYATI i ZABVENIYA v russkom yazyke*. – *Kognitivnyye issledovaniya*, vyp. 2, red. V. D. Solov'yev, T. V. Chernigovskaya, Moskva, s. 209–230.
- Igrunova N. V., 2004, *Sharov: „Ya ne chuvstvuyu sebya ni uchitelem, ni prorokom”*, „Druzhba narodov”, № 8, s. 191–198.
- Liotar Zh.-F., 2013, *Sostoyaniye postmoderna*, Sankt-Peterburg.
- Lukach D., 1985–1987, *Svoyeobraziye esteticheskogo: V 4-kh tt.*, t. 1 i 3, Moskva.
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*, <http://ruscorpora.ru>
- Polozhentseva I. V., Kashchenko T. L., 2014, *Fenomen istoricheskoy pamyati i aktualizatsiya lichnoy istoricheskoy pamyati studentov*, „Vlast”, № 12, s. 42–46.
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4-kh tt.*, 2000, red. D. N. Ushakov, t. 2, Moskva.
- Ufimtseva N. V., 2017, *Etnopsikholingvistika kak razdel teorii rechevoy deyatel'nosti*. – *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novyye nauki o cheloveke govoryashchem*, red. V. V. Krasnykh, Moskva, s. 21–96.
- Khendriks U., 1980, *Stil' i lingvistika teksta*. – *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, vyp. IX, Moskva, s. 172–211.
- Kholodnaya M. A., 2012, *Osobennosti organizatsii kontseptual'nykh struktur*. – *Kognitivnyye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov*, vyp. 5, red. A. A. Kibrik, T. V. Chernigovskaya, A. V. Dubasova, Moskva, s. 177–193.
- Sharov V. A., 2017, *Bud'te kak deti*, Moskva.
- Sharov V. A., 2015, *Moya kompaniya*, „Znamya”, № 4, s. 81–82.
- Deleuze G., Guattari F., 1991, *Qu'est-ce que la philosophie?*, Paris.
- Derrida J., 1990, *L'écriture et la différence*, Paris.

*Representatives of the concept MEMORY in view
of new stylistics' tasks*

Starting with the definition of style by K.A. Dolinin, the article proposes to reflect on the perspectives of an interdisciplinary approach to stylistic research, using primarily the achievements of psychology and philosophy, as the style of a literary work is the result of the subject's choices, which in turn result from his/her individual way of thinking. The interdisciplinary approach will also allow for more effective aesthetic assessment of the work. The article analyses three literary texts based on memories: *The childhood years of Bagrov-grandson*, serving as a continuation of the *Family Chronicle* by S.T. Aksakov, *The Life of Arsenyev* by I.A. Bunin and *Be Like Children* by V.A. Sharov. On the example of language constructions forming the concept of MEMORY, the researcher shows the factors that influence the choice of language means that ultimately create the individual style of the author. The study proves that this choice is influenced by non-linguistic factors: the situational context, era, the author's professional and personal experience and education, philosophical and aesthetic ideas, and other important circumstances that guide the artist's thinking. Genre rules and current tastes are also of importance. The study shows that the ratio of the number of language constructions regarding experience memory and information memory can characterize the individual style of a given author. It also proves that a broader interdisciplinary view of style allows to see more determinants of the aesthetic value of a work. Among them are: the harmonious structure of the text including its spatial and temporal organization, and the compliance with the broadly understood norm that involves not only the linguistic but also the mental layer of the text, as expressed by appropriately selected means.

Keywords: *style, memory, genre-memory, types of thinking, communication context, choice of language means*